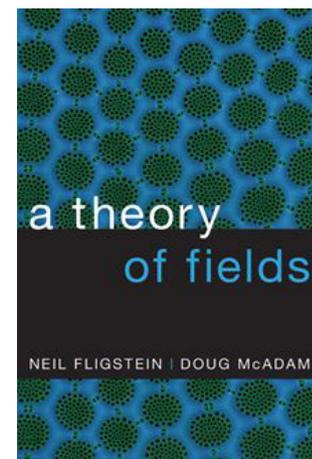

НОВЫЕ КНИГИ

А. В. Черныш

Объединяй, направляй и властвуй: о роли социальных навыков в конструировании локальных социальных порядков

Рецензия на книгу: Fligstein N., McAdam D. 2012. *A Theory of Fields*. New York: Oxford University Press.

ЧЕРНЫШ Анна Всеволодовна — магистр социологических наук, соискатель кандидатской степени, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3.

Email: achernysh@eu.spb.ru

В рецензии рассматривается теория полей стратегического действия, предложенная Н. Флигстином и Д. Макадамом в книге «A Theory of Fields» («Теория полей»). Обсуждаются основные элементы теории — новые и привнесённые из других парадигм, а также значение для развития таких областей знания, как организационная и институциональная теории, экономическая социология и теория социальных движений. Последняя часть рецензии содержит критические замечания, касающиеся тезисов, показавшихся её автору спорными. Теория полей стратегического действия затрагивает вопрос конструирования локальных социальных порядков — их возникновения, стабилизации, институционализации и трансформации. Авторы книги представляют любой социальный порядок как поле, в структуре которого обязательно наличие следующих акторов: господствующие группы; акторы, заинтересованные в изменениях, и внутренние управляющие объединения. Все поля укоренены в окружающую среду, которая даёт самые значительные стимулы для изменения организационных моделей, доминирующих в рассматриваемом поле. Возможности преобразуются в перемены, если акторам, заинтересованным в изменениях, удастся мобилизовать окружение и подтолкнуть его к коллективному действию. В этом процессе решающим является наличие специальных социальных навыков. Этим термином авторы обозначают индивидуальную способность понимать других акторов и управлять ими с помощью создания общих смыслов и идентичностей. При этом акцент смещается с ресурсной или властной составляющей контроля на умение акторов кооперироваться на добровольных началах. Социальный навык, с одной стороны, и восприимчивость к кооперации, с другой, являются прямым следствием экзистенциальной функции социального — ещё одного важного нововведения этой теории.

Ключевые слова: организационная теория; теория социальных движений; коллективное действие; теория полей; стратегическое действие; социальный навык.

По признанию авторов, книга «Теория полей» стала плодом их многолетней работы: её первоначальный вариант возник в 1990 г., а вышла книга только в 2012 г. Она носит обобщающий характер и посвящена новому взгляду на

природу социальной стабильности и изменений, конструирование локального социального порядка. Теория складывалась постепенно. Многие из её основных тезисов были проработаны авторами в более ранних статьях, связанных с исследованиями рынков и социальных основ экономической жизни у Флигстина или общественных движений у Макадама (см., например: [Fligstein, McAdam 2001; Fligstein, McAdam 2011]). В публикациях журнала «Экономическая социология» также отражено развитие этой теории, например, в статье Н. Флигстина «Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений» [Флигстин 2001] и в переводах из книги «Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века» [Флигстин 2013а; Флигстин 2013б].

По мнению авторов рецензируемой книги, новая теория полей стратегического действия (*strategic action fields, SAF*) вбирает в себя наиболее ценные результаты работ в таких областях, как организационная теория, теория социальных движений, экономическая социология, институциональная теория. С помощью предлагаемой теории авторы пытаются вывести более полный и живой подход к проблеме возникновения, стабилизации, институционализации и трансформации социально сконструированных арен, внутри которых акторы соревнуются за материальные и статусные выгоды. Для этого Флигстин и Макадам используют уже знакомые метафоры: поля; коллективное действие; господствующие группы (*incumbents*); акторы, заинтересованные в изменениях (*challengers*). Этим они подчёркивают преемственность своей теории, её интеграционный характер. Для авторов принципиально важно примирить разрозненные подходы, сформировать общую теорию социальных изменений, которую можно применять безотносительно к рассматриваемым феноменам. Таким образом, они стремятся решить основные социологические проблемы, то есть (1) проблему структуры и агента, (2) проблему происхождения социальных изменений, (3) проблему возникновения новых организационных полей. При этом сама метафора «стратегическое действие» предполагает, что авторов более всего интересуют основания для возникновения коллективного стратегического действия внутри определённого социального пространства.

Заемствованное и новое в теории полей стратегического действия

В описываемой теории поля стратегического действия представляют собой социальные порядки мезоуровня, основные структурирующие блоки современной жизни, распространённые везде — в экономике, политике, гражданском обществе и государстве. Одни поля стратегического действия всегда окружены другими, и при этом они сами делятся на поля стратегического действия низших порядков. Вместе эта структура составляет запутанную сеть, где каждое ядро сети имеет структуру матрёшки. Внутри каждого поля есть три вида игроков: акторы, стремящиеся сохранить существующее положение и по сути узурпировавшие в своих руках власть (*incumbents*); акторы, заинтересованные в изменениях (*challengers*); так называемые внутренние управляющие объединения (*Internal Governance Unit, IGU*). Флигстин и Макадам используют разделение «*incumbents — challengers*», пришедшее из теории социальных движений, и мало модифицируют его. Господствующие группы легитимны; действующие правила адаптированы под них и способствуют сохранению их привилегированного положения. Акторы, заинтересованные в изменениях, стремятся преобразовать существующий консенсус в поле в свою пользу. Они могут мириться со своей ролью, но всегда будут искать шанс, чтобы вступить в борьбу. Кроме привычных типов игроков, вводится новый — IGU. Под эту категорию попадают внутренние, отличные от государства, управляющие и регулирующие структуры (например, профессиональные ассоциации). Исходя из *своей* миссии, IGU должны сохранять нейтралитет, что, впрочем, удаётся далеко не всегда. На практике они формализуют, легитимируют и наблюдают за исполнением правил, которые были созданы господствующими группами в собственную пользу. В конфликтных ситуациях IGU — как консервативная сила — всегда стремятся сохранять статус-кво и выступают на стороне господствующих групп.

На первый взгляд кажется, что формула SAF остаётся такой же, как и в классических работах П. Бурдьё, посвящённых полям [Bourdieu 1984]. Чтобы определить границы поля, необходимо понять, в каких ролях выступают все группы акторов, какие представления они имеют друг о друге, а также вокруг чего сформирован консенсус в поле. Однако Флигстин и Макадам в большей степени, чем другие теоретики, детализируют архитектуру поля, причём не только на уровне типов акторов, но и на уровне принципов его работы. Так, в теории SAF почти невозможна одна всеобщая реальность, принятая всеми на веру, поэтому консенсус в поле допустимо назвать лишь относительным. Кроме того, авторы акцентируют внимание на двух аспектах: связь SAF с окружающей средой и различные модели изменений в стабильных и формирующихся полях. Если прежде поля рассматривались теоретиками как автономные единицы, где все критические взаимодействия находятся внутри, то SAF представляется как пространство, укоренённое в окружающие его поля. Для теории SAF важно, что самый сильный стимул к изменениям приходит извне, из соседних полей. Более того, изменения в одном SAF вызывают отклик — дестабилизацию — в ближайших полях, подобно тому, как камень, брошенный в воду, вызывает рябь. Авторы книги конечно же отмечают, что большинство откликов утихнет, но это не меняет сути, и рассматривать борьбу внутри SAF нужно с привлечением более широкого контекста. Кроме того, стабильность зависит от количества и природы связей между полями. Чем больше партнёров и чем меньше ресурсная зависимость рассматриваемого поля от внешних, тем больше шансов избежать кризиса в процессе дестабилизации. Таким образом, чтобы объяснить стабильность или конфликт, исследователь должен найти ответы на три вопроса:

- в каких отношениях рассматриваемое SAF находится со значимыми для него внешними полями (не связано, иерархически связано или взаимосвязано)?
- какие группы акторов управляют этими взаимодействиями?
- на какой основе построены взаимоотношения господствующей группы и остальных игроков в поле: на основе конкуренции, кооперации или насилия?

Помимо укоренённости, авторы книги обращают внимание на природу изменений, происходящих в SAF. Они считают, что все существующие объяснительные концепции неполны. Одна из них настаивает на том, что изменения в полях перманентны. Перемены — результат постоянного взаимодействия между господствующими группами и акторами, заинтересованными в изменениях, круговорот ответных действий. Вторая — на том, что изменения — это следствие крупномасштабных редких кризисов. Флигстин и Макадам придерживаются золотой середины, отмечая, что отдавать приоритет той или иной модели нужно в зависимости от условий конкретного SAF и от того, в какой степени поле сформировано. При этом авторы всё же больше тяготеют к первому объяснению, так как отмечают, что поля, даже сформированные и стабильные, всегда находятся под давлением изменений той или иной степени. Дестабилизация вытекает из укоренённости полей¹, но не всегда приводит к изменению статус-кво. Критически важным оказывается умение акторов, заинтересованных в изменениях, мобилизовать окружающую среду, найти союзников и подтолкнуть их к коллективному действию.

Концептуализация процесса мобилизации не претерпевает у Флигстина и Макадама каких-либо значительных изменений. Они полностью заимствуют данную концепцию из теории социальных движений²

¹ Авторы рецензируемой книги рассматривают три причины возникновения дестабилизации: вторжение внешних по отношению к полю групп; изменения в полях, от которых зависит рассматриваемое поле; глобальные мегасобытия, касающиеся большинства полей, такие как войны или экономические кризисы. Все причины исходят из окружающей среды и создают наибольший потенциал для организационных изменений.

² При этом авторы книги подчёркивают, что процесс мобилизации свойствен всем полям в период кризиса и не должен рассматриваться только в контексте социальных движений.

и разделяют на три стадии: (1) осознание (*attribution*) угрозы и (или) возможности, то есть то, как господствующие группы и акторы, заинтересованные в изменениях, интерпретируют дестабилизацию; (2) оценка возможностей (*social appropriation*), или понимание того, есть ли организационные ресурсы для мобилизации и поддержки коллективного действия; (3) инновационное коллективное действие, или использование инновационных, до этого запрещённых, форм коллективного действия. Переход от первой к третьей стадии в итоге приводит к так называемому периоду соперничества (*episode of contention*), открытому противостоянию, когда господствующие группы, наконец, полностью осознают, что их положению угрожает опасность.

И для того, чтобы мобилизовать окружающих акторов на коллективное действие, и для того чтобы создать новый или поддержать старый консенсус в поле, необходимы социальные навыки. Это главное нововведение теории SAF. Социальный навык — это индивидуальная способность понимать других акторов и управлять ими с помощью создания общих смыслов и идентичностей. Он является основой для стратегического действия, то есть для попыток акторов с помощью кооперации формировать и поддерживать социальные миры, всесторонне контролировать ситуацию в заданном контексте. Акторы, обладающие такими навыками, имеют более широкий репертуар действий, чем те, кто опирается только на явные команды, прямо пропорциональные уровню легитимности. Именно поэтому акторы, заинтересованные в изменениях, имеют шанс изменить существующий порядок в свою пользу и взять верх над господствующими группами даже, казалось бы, в неблагоприятных условиях. Социальный навык помогает объединить акторов с разными интересами, убедить действовать одновременно и так выстроить ситуацию, чтобы позиция актора, наделённого социальными навыками, выглядела нейтральной, а его идеи воспринимались остальными как обрётённые ими в результате собственного осознания обстоятельств происходящего.

Вводя именно такую трактовку понятия «социальный навык», авторы если не низвергают, то уравнивают ресурсную властную и интерактивную экзистенциальную составляющие. С их точки зрения, не так важно, сколько ресурсов агрегируют господствующие группы, которые могут легко потерять власть, если акторы, заинтересованные в изменениях, смогут предложить более востребованную и понятную мотивацию для коллективного действия. Флигстин и Макадам находят объяснение этому феномену в экзистенциальной функции социального (*existential function of the social*), к ней мы ещё вернёмся далее.

Таким образом, теория SAF вводит единую для всех областей детализированную структуру полей. Кроме этого, она связывает поля с окружающей средой, которая теперь воспринимается как основной источник дестабилизации и кризисов. Наконец, Флигстин и Макадам по-новому воспринимают темпоральность изменений. В их трактовке изменения с разной интенсивностью, но при этом постоянно давят на поле. Также отметим, что авторы чуть ли не единственные, кто даёт столь расширенный ответ на вопросы, откуда в поле приходят изменения, как они трансформируются в новую социальную структуру, а если не трансформируются, то почему.

Экзистенциальные стимулы для коллективного стратегического действия

Социальный навык и являющееся его прямым следствием стратегическое действие в теории SAF опираются на экзистенциальную функцию социального. Этот феномен, по мнению Флигстина и Макадама, наиболее полно раскрывает природу социального навыка и показывает его связь с символическим интеракционизмом. Флигстин и Макадам исходят из того, что актор понимает самого себя во взаимодействиях с другими. Обладать большим социальным навыком — это значит поставить себя в больший резонанс с остальными, более успешно создавать смыслы (*meaning making*) и идентичности для других, управлять ими. Этим тезисом авторы прямо противопоставляют свою теорию традиции

К. Маркса и ещё раз подчёркивают, что властная составляющая для них напрямую не связана с материальными ресурсами или легитимирующим эффектом самой власти. Для того чтобы доказать это, они делают экскурс в эволюцию человека.

Потребность в общих смыслах и идентичностях транслирует желание людей объединяться. Откуда оно возникает? Когда у человека как вида появляется способность говорить, у него в руках оказывается инструмент, который запускает процесс формирования самости. По Дж. Г. Миду, это умение человека представлять себя как объект собственной мысли. Человек становится способным принимать роль другого, внешний социальный контроль смещается внутрь [Mead 1967]. Способность смотреть на себя как бы глазами других даёт и ещё один эффект: человек неожиданно начинает задаваться вопросами о своём предназначении и о смысле жизни, формируется устойчивый экзистенциальный страх — страх одиночества и потери смысла. Наилучший способ вытеснить этот страх на второй план — единение с людьми, встраивание в социальные процессы. Таким образом, эффективность любого объединяющего проекта лежит в его способности снижать скорость самосознания через встраивание индивида в систему социально обусловленных значений. Эти последние позволяют перефокусировать внимание и отдалить перспективу возникновения экзистенциальных вопросов.

Итак, объединение желанно для людей само по себе, потому что позволяет придать происходящему смыслы. Это глубинная, можно сказать, одна из базовых потребностей. Мы рутинно используем социальные навыки в повседневной жизни, чтобы повсеместно создавать смыслы и стимулировать коллективное действие. И если актер хочет трансформировать социальное пространство, он должен сильно отличаться от идеального типа актора из теории рационального выбора. Ему нужно в меньшей степени фокусироваться на своих личных целях или на своём я, а вместо этого необходимо выявить и выставить на всеобщее обозрение желаемые итоги коллективного действия, создать историю об объединяющих смыслах, которая апеллирует к интересам, групповым идентичностям, надеждам и выгодам желаемых соратников и противостоит оппонентам.

Обращаясь к процессу создания смыслов через социальные навыки, теория SAF смещает акценты с мотивации акторов на их действия и вклад в создание, сохранение и трансформацию социального пространства. В теории Флигстина и Макадама актер никогда не бывает заинтересован в изменении или сохранении социального порядка сам по себе, он своими действиями выражает поддержку той группе, в которой уже состоит. При этом не всегда эта идентификация связана с получением прямой материальной выгоды, чаще всего — с выражением своей идентичности и сохранением ощущения причастности к объединяющему смыслу, важному для группы.

Надежды и критика

Попытка объединить разрозненные социологические подходы в поисках лучшего ответа на вопрос о создании и изменении социального порядка, как и любая попытка красиво решить сложную задачу, без сомнения вызывает уважение. Тем более что Флигстин и Макадам не просто ставят амбициозную задачу, но и решают её. Они не боятся взять из разных подходов самые яркие элементы и собрать их в одну непротиворечивую убедительную теорию, которой хочется воспользоваться, потому что она находит *подтверждение* в эмпирике. Действительно, у нас ещё не было настолько комплексной теории, которая отвечала бы на вопрос, откуда вырастают социальные изменения и за счёт чего они укореняются в том или ином социальном пространстве.

Тем не менее важно отметить, что самые сильные аргументы этой теории одновременно являются и самыми противоречивыми. *Во-первых*, обобщения такого уровня неминуемо приводят к высокой степени контекстуализации. Часто вместо чёткой позиции, касающейся источника изменений или процес-

са их закрепления, Флигстин и Макадам отсылают исследователя к его собственному эмпирическому материалу³. На уровне общих теоретических выводов это, безусловно, добавляет тонкости анализа, помогает синтезировать разные подходы, однако на практике может вызвать затруднения. Кто-то даже поспешит утверждать, что решения, формулируемые как «может быть и так, и так; нужно смотреть на ваше поле», фактически сводят все теоретические выводы к нулю, однако на самом деле это не так. У Флигстина и Макадама есть сильный козырь: для своей теории они формируют правила, по которым нужно оценить ту самую эмпирику и выбрать подходящий теоретический аргумент. От этого теория SAF приобретает характер метода. Авторы как социологи-практики и сами чувствуют это. Они завершают книгу объёмной главой методологических замечаний. В целом контекстуализация даёт потенциал для развития теории, и эта последняя будет уточняться по ходу работы с эмпирическим материалом, в конце концов породит волну ответных работ, которые, правда, вновь будут отталкиваться от рассматриваемых феноменов, но уже на новом уровне понимания.

Во-вторых, действительно ли теорию SAF можно применять к любому рассматриваемому социологами объекту? Неужели действительно всё вокруг — поля стратегического действия, и все поля имеют одинаковую структуру? На наш взгляд, эта позиция вполне легитимна, ведь большие социологические вопросы так или иначе пытаются раскрыть феномен управления и доминирования в определённых социальных пространствах, пусть даже и основанного на кооперации и убеждении, а не на принуждении. В связи с этим такой взгляд на окружающую социальную реальность, скорее, требует эмпирического опровержения, а не подтверждения. Кроме того, тезис о повсеместном распространении SAF и их единой структуре укрепляет мысль об укоренённости полей во внешней среде. Теперь не обязательно расширять границы поля для отдельных значимых, но внешних акторов (а ведь именно это ранее делало структуру каждого отдельного поля своеобразной и неповторимой) и можно оставить в рамках «господствующие группы — акторы, заинтересованные в изменениях — IGU», а окружающую среду проанализировать по типу связей с рассматриваемым полем. Это разделение позволит расставить акценты более логично, не расширять поле чрезмерно, и также позволит снять вопрос о том, куда включать важные, но не совсем связанные с полем структуры.

Третье противоречие порождается всё той же погруженностью полей стратегического действия в окружающую среду. Преимущества данного положения мы уже отметили, но есть и сложности. Так, если каждое поле погружено в другие поля, все поля взаимосвязаны и могут подталкивать к дестабилизации, локус внимания исследователя размывается. Объём данных оказывается слишком большим, и от этого их ценность снижается. Исследователю всё труднее и труднее становится провести границу между важными и неважными полями, определить, где же находится источник значимой дестабилизации. Конечно, эмпирика сама подсказывает это, но всегда есть шанс либо слишком сузить, либо слишком расширить аналитический горизонт.

Несмотря на критические замечания, теория полей стратегического действия — это, на наш взгляд, ещё один шаг к единой социальной теории, объединяющей различные социологические школы и снимающей проблему разрыва между макро- и микроуровнями. Однако сможет ли теория SAF убедить социологическое сообщество и привести его к консенсусу, покажет только время.

³ Здесь уместно сравнение, например, с экономистами. Они формируют предельно общую модель, которую используют для описания какого-то явления. Такие модели кажутся полезными именно из-за того, что дают ёмкий простой ответ, хотя в действительности далеко не всегда объясняют реальность. Очевидно, что Флигстин и Макадам пытаются избежать такого подхода, чтобы следующие за ними исследователи-практики не упустили что-то специфичное для своего кейса.

Литература

- Флигстин Н. 2001. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений. *Экономическая социология*. 2 (4): 28–55. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2001-2-4.html>
- Флигстин Н. 2013а. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. *Экономическая социология*. 14 (1): 28–53. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2013-14-1.html>
- Флигстин Н. 2013б. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века. *Экономическая социология*. 14 (3): 64–95. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2013-14-3.html>
- Bourdieu P. 1984. Quelques propriétés des champs. *Questions de sociologie*. Paris: Editions de Minuit; 113–120. См. также рус. пер.: Бурдьё П. 1984. Некоторые свойства полей. *Социологическое пространство Пьера Бурдьё*. URL: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej>
- Fligstein N. 2001. Social Skill and the Theory of Fields. *Sociological Theory*. 19 (2): 105–125.
- Fligstein N., McAdam D. 2011. Towards a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*. 29: 1–26.
- Mead G. H. 1967 (1936). *Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago Press.

NEW BOOKS

A. Chernysh

Uniting, Leading, and Ruling: Social Skill and the Construction of Local Social Orders

A Review on Book: Fligstein N., McAdam D. (2012) *A Theory of Fields*, New York: Oxford University Press.

CHERNYSH, Anna

Vsevolodovna — MA in Sociology, PhD Student, The European University at St. Petersburg.

Address: 3 Gagarinskaia str., St. Petersburg, Russian Federation, 191187.

Email: achernysh@eu.spb.ru

Abstract

The review considers a new theory of strategic action fields provided in the book “A Theory of Fields”. The author analyzes its basic elements — new as well as borrowed from other theories, and its significance for the development of organizational theory, the theory of social movements, institutional theory and economic sociology. The last part of the text criticizes some debatable theses of this theory. Theory of strategic action fields discusses the issue of the local social orders formation. The authors represent all social orders as fields, which consist of the following actors: incumbents; challengers and internal governance units. All fields are embedded in a broader field environment. It gives the most significant incentives to changes of the organizational models dominant in the fields in question. Incentives to changes are converted into changes in the case of mobilization for the collective action. It is crucial to have special social skill

for the start of mobilization process. Authors define social skill as an ability to understand other actors and manage them by creating shared meanings and identities for themselves and others. Thus the authors shift their attention from the control based on the resources or power to the ability to voluntary cooperation. Social skill and the ability to voluntary cooperation are the consequence of “existential functions of the social”, the important innovation of this theory.

Keywords: organizational theory; social movement theory; collective action; theory of fields; strategic action fields; social skill.

References

Bourdieu P. (1984) Quelques propriétés des champs. *Questions de sociologie*, Paris: Editions de Minuit, pp. 113–120. Russian translation: Bourdieu P. (1984) Nekotorye svoystva poley [On Some Features of the Fields]. *Sotsiologicheskoe prostranstvo Pierre Bourdieu*. Available at: <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej> (accessed 14 December 2013) (in French).

Fligstein N. (2001a) Polya, vlast' i sotsial'nye navyki: kriticheskiy analiz novykh institutsional'nykh techeniy [Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of the New Institutionalisms]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 2, no 4, pp. 28–55. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2001-2-4.html> (accessed 14 December 2013) (in Russian).

Fligstein N. (2001b) Social Skill and the Theory of Fields. *Sociological Theory*, vol. 19, no 2, pp. 105–125.

Fligstein N. (2013a) Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka [The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 1, pp. 28–53. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2013-14-1.html> (accessed 14 December 2013) (in Russian).

Fligstein N. (2013b) Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka [The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 14, no 3, pp. 64–95. Available at: <http://ecsoc.hse.ru/2013-14-3.html> (accessed 14 December 2013) (in Russian).

Fligstein N., McAdam D. (2011) Towards a General Theory of Strategic Action Fields. *Sociological Theory*, no 29, pp. 1–26.

Mead G. H. (1967 [1936]) *Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*, Chicago: University of Chicago Press.